

ПЕРЕВОДЫ / TRANSLATIONS

ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ И ФИЛОСОФСКАЯ БИОГРАФИЯ

Е. В. АФОНАСИН

Институт философии и права СО РАН
afonasin@post.nsu.ru

EUGENE AFONASIN

Institute of philosophy and law SB RAS (Novosibirsk), Russia

HERACLIDES OF PONTUS AND PHILOSOPHICAL BIOGRAPHY

ABSTRACT. Aristotle and his followers, such as Aristoxenus and Dicaearchus, present Pythagoras, the Pythagoreans and Empedocles as figures not entirely devoid of legendary features. At the same time the Peripatetic biographers do not fail to place them in proper historical setting as intellectuals, initiated important philosophical and religious movements. According to Dicaearchus, for instance, the sages are known for their highly practical maxims and general rules of right conduct; Pythagoras developed a new lifestyle and promulgated it in his public and private teaching; Socrates introduced a new form of intellectual and moral pursuit; while Plato founded an institutional framework for philosophical studies having thus paved the way to a systematic research, conducted by the Peripatetics, etc. In a striking contrast with this, in the dialogues of their contemporary Heraclides of Pontus Pythagoras, Empedocles and other ancient philosophers are predominantly literary figures and super-heroes whose supernatural powers are clearly beyond the reach of ordinary men. At the same time, the theories these fictitious personages profess are tailored according to a recognizably Platonic draft. In this work the present writer continues his studies of ancient biographic tradition initiated in a series of articles, published in two previous issues of the journal [*Schole* 10 (2016) 271–282 and 11 (2017) 570–607].

KEYWORDS: ancient biography, doxography, the seven sages, dialogues, Pythagoras, Plato, Academy, Empedocles.

Гераклид (Ἡρακλείδης) родился ок. 388 г. до н. э. в городе Гераклея, расположенном на малоазийском побережье Понта.¹ Его отец, Евтифрон, принадлежал к роду Дамидов, основателей этой колонии. Ок. 368 г. до н. э. он приехал в Афины и присоединился к Платоновской Академии и даже возглавлял ее в течение 361–360 гг., во время поездки Платона на Сицилию. Однако после смерти преемника Платона Спевсиппа в 339 г. он не был избран схолархом Академии и покинул Афины. Вернувшись в родной город Гераклея, он прожил там еще около четверти века (Диоген Лаэртий, *Жизнеописания философов* 5.86 сл., Суда, «Гераклид» (№ 461) и др.).² Гераклид писал об астрономии, физике, политике, философском образе жизни, культурной истории, литературе и географии. Ни одно его сочинение не сохранилось. Список трудов Гераклида, который приводит Диоген Лаэртий (5.86–89, фр. 1, 17), проблематичен. С одной стороны, как это видно из соответствующих свидетельств, он не полон, с другой, возможно, что некоторые труды, приписанные нашему Гераклиду, на самом деле принадлежат Гераклиду Понтийскому младшему или другому античному автору Гераклиду Лембу, который жил во II в. до н. э. и писал на схожие темы.

Историка философии Гераклид прежде всего интересует в качестве не вполне обычного платоника, предложившего оригинальное толкование теории о небесном путешествии души, а также как автора примечательной версии атомизма и уникального в его время представления о вращении Земли вокруг своей оси.³

Кроме того, он уделил много времени философской биографии, причем, по всей видимости, предпочитал работать в жанре диалога. Сообщается, что диалоги эти были необычные. В частности, они имели специальное предисловие, отличное от последующего содержания (Прокл, Комментарий к *Пармениду* Платона 1.46–7, фр. 18). Цицерон (*Письма к Аттику* 13.19.3–4, фр. 19A и др.) отмечает, что в своих диалогах Гераклид предпочитал выводить

¹ Совр. Карадениз Эрегли. Город был основан в 559 г. до н. э. выходцами из Мегары, в стратегически важном месте рядом с большим естественным заливом, одним из немногих на малоазийском побережье Черного моря. Впоследствии жители Гераклеи основали еще ряд колоний на Понте, включая Херсонес в Тавриде.

² Фрагменты 1–16. Здесь и далее нумерация фрагментов Гераклида приводится по изданию Schütrumpf et al. 2008; актуальный источник каждый раз эксплицитно указан.

³ Краткий очерк его философии дает Дж. Диллон (Dillon 2003, 204–216; Диллон 2005, 233–245), более детальный – Gottschalk 1980 и Fortenbaugh, Pender 2009.

великих философов и мудрецов древности, в отличие от Платона,⁴ который говорил чаще всего от имени Сократа и о событиях, произошедших не очень давно, и Аристотеля, в диалогах которого действующим лицом часто был он сам. Так, в его *Абарисе* в качестве персонажей выведены сам Абарис и Пифагор, а в диалоге *О болезнях, или Бездыханная* действующим лицом выступает Эмпедокл в последний день его жизни. Возможно, диалогом был и его *Зороастр*. К сожалению, сохранившиеся свидетельства не позволяют оценить диалоги с литературной точки зрения, так как представляют собой либо пересказы содержания, либо оценочные суждения. Во многих случаях мы не можем быть уверены в том, что упоминаемое сочинение действительно было диалогом.

Среди фигур, которые особенно привлекали его внимание, был Гераклит Эфесский, Демокрит, Пифагор и Эмпедокл. Гераклиту он посвятил, согласно списку у Диогена Лаэртия, специальное сочинение, однако от него не осталось и следов. Атомизм Демокрита повлиял на его собственную философскую позицию. Пифагор же и Эмпедокл в его исполнении превратились в литературные, почти сказочные персонажи. В этом отношении он существенно отличается от других современных ему философских биографов, таких как Аристотель, Аристоксен или Дикеарх.⁵ Хотя и во многом легендарная фигура, Пифагор представлялся перипатетикам реальным человеком, основавшим в определенное время и в определенном месте важное философское и религиозное движение, влияние которого явственно ощущалось и в их время. Гераклида же, напротив, мало беспокоит правдоподобность тех историй, которые он рассказывает. Для него мудрецы древности – это уникальные личности, наделенные сверхъестественными способностями, но в то же время выражающие платонический идеал созерцательной жизни.

Сохранились значительные фрагменты лишь одного диалога Гераклида, называемого, в разных источниках, *О болезнях* или *Бездыханная*. Центральным событием диалога, безусловно, был апофеоз Эмпедокла. Совершив множество великих деяний и прославившись среди людей, великий философ, целитель и маг совершил свой последний и самый невероятный подвиг – вернул к жизни девушку, которая в течение тридцати дней не дышала и не выказывала признаков физической активности (то есть была в коме) и в тот же вечер, после благодарственного пира, который был устроен в име-

⁴ За исключением, разумеется *Законов* и *Послезакония*. В целом о драматическом времени платоновских диалогов и его связи с их содержанием см. недавнюю книгу Доминика О'Мэри (O'Meara 2017, см. рецензию А. Афонасиной в данном выпуске журнала).

⁵ Подробнее об этом см. в моих предыдущих работах: Афонасин 2017a–b.

нии отца спасенной девушки, исчез из мира людей, подчинившись божественному зову. По сообщению слуги, среди ночи раздался громкий голос, призывающий Эмпедокла, были видны вспышки с неба и свет факелов. То есть, если буквально следовать версии смерти Эмпедокла «в жерлах вулкана», должно быть уже утвердившейся к тому времени в литературной традиции, гулкие звуки и огонь с неба должны были указывать на то, что именно в это время начала извергаться Этна.⁶

Схожие картины апофеоза достаточно типичны в античной религиозной традиции. Аналогичным образом, например, закончилась земная жизнь великого врачевателя Асклепия: бросив вызов самой смерти, он «был испепелен молнией, дабы воскреснуть как бог (*in deum surgat*)» (Минуций Феликс, *Октавий* 23.7), а затем «вернулся из преисподней с разрешения парки» (Гигин, *Мифы* 251.2).⁷

Превратившись в даймона или, в неоплатонической терминологии, став наиболее чистой из душ (ἄχραντοι, Ямвлих, *О душе*, фр. 27 Dillon–Finamore), Асклепий, подобно буддийскому бодхисатве, добровольно вернулся в этот мир, дабы помогать людям:

Естественно, что из них [даймонов] богами нарекают лишь тех, кто, мудро и справедливо направив колесницу своей жизни (*curriculo vitae gubernato*), сподобился затем среди людей божественных почестей в виде храмов и церемоний; в их числе Амфиарай, почитаемый в Беотии,⁸ Мопс – в Африке, Осирис – в

⁶ Этна извергается довольно часто. Это вулкан стромболианского типа, для которого характерны прерывистые, пульсирующие выбросы пирокластики на высоту нескольких сотен метров, сопровождаемые грохотом и свистом. Во время каждого нового извержения на склонах Этны образуются новые «кратеры» (фумаролы), в один из которых вполне может угодить идущий по склону человек. Подробнее о вулканах см. Литасов 2011, 34 сл.

⁷ О платоническом культе Асклепия подробнее см. наши работы: Афонасин, Афонасина 2016, Afonasin 2017c. Классическая подборка литературных и археологических свидетельств, которая включает в себя разнообразные сведения о происхождении Асклепия и его культе, собрана Эммой и Людвигом Эдельштейнами (Edelstein 1945). В частности, вопросу обожествления Асклепия и философской интерпретации его образа посвящены тексты № 232–336. Список обожествленных героев без особых изменений повторяется многими греческими и римскими авторами. В него обычно входят Геракл, Дионис, Асклепий, Диоскуры (Кастор и Полидевк) и латинские Либер и Квирин (Цицерон, *О законах* 2.8.19; Порфирий, *Послание Марцелле* 7; Ориген, *Гомилия на Иеремию* 5.3; Гален, *Протретики* 9.22 и др.).

⁸ Действительно, этот аргосский врачеватель и мифологический участник экспедиции семерых против Фив был обожествлен лишь впоследствии. Память о его «героическом прошлом» нашла отражение в таком правовом казусе: в римский

Египте, один – в одной части света, другой – в другой, Асклепий же – везде (Aescularius ubique) (Апулей, *О даймоне Сократа* 15.153).

Примечательным образом, и в отличие от других древних героев, Асклепий был, по словам Эдельштейнов, неясной фигурой на этой земле: «Он не обладал яркой индивидуальностью, и история его жизни никак не раскрывала его личность... все его существование сводилось к одной цели – лечить людей и помогать им. Его жизнь не исторична и не иератична, она есть выражение идеи, будь то источник вдохновения или предупреждение. Да и сам Асклепий есть лишь воплощение идеального врача» (Edelstein 1945, II 53). Он избрал простую жизнь, отличную от жизни эпических героев, и главными его врагами стали болезнь и смерть. Достигнув совершенства в искусстве врачевания, Асклепий научился излечивать любые болезни и даже победил смерть. Традиция приписывает ему, к примеру, воскрешение Ипполита, сына Тесея. Именно поэтому Асклепий как раз и был испепелен Зевсом: как и Прометей, он перешел черту, которая отделяла богов от людей.

Аналогия между Асклепием и Эмпедоклом может быть продолжена. По сообщению Диогена Лаэртия (8.70),

...Когда из-за зловонных испарений из ближайшей реки в Селинунте началась эпидемия, так что люди умирали, а у женщин начались выкидыши, Эмпедокл на свои средства перебросил в эту реку воды двух ближайших источников, и вода очистилась. И когда болезнь отступила и селинунтяне пировали на берегу этой реки, перед ними появился Эмпедокл. Все они тут же вскочили и, пав на колени, поклонились ему и вознесли молитвы, как богу.

Точно так же Фукидид (*История* 2.47–55) приписывает Гиппократу и его «сыновьям» спасение Аттики от ужасного мора 430–426 гг. до н. э. Сообщается, что эта эпидемия распространилась из Эфиопии через Египет, Ливию, Персию и о. Лемнос и погубила до четверти населения Афин. К слову сказать, что это была за болезнь, остается загадкой: предполагают, что это могла быть эпидемия кори, оспы, сибирской язвы, тифа или какой-то формы гриппа (но точно не эпидемия бубонной чумы). Высказывалось, например, предположение, что это могла быть лихорадка Эбола. Очевидно, что пережившие поветрие вырабатывали иммунитет к патогену и, как следствие, эпидемия более не повторилась. Эпидемия воспринималась как гнев богов, что проявилось в

период коллегия сборщиков налогов усомнилась в том, следует ли освобождать святилище в Оропосе от налогов, так как Амфиарай был героем, а не богом.

очищении священного острова Аполлона Делоса в 426 г. (Диодор Сицилийский 12.58.6–7) и учреждении в 420 г. в Афинах культа Асклепия.⁹

Как бы там ни было, по указанию Гиппократ Афиняне начали жечь костры и интенсивно окуривать территорию травами, вероятно, оказывающими антисептическое действие и это, как сообщается, очистило воздух от «миазмы». Почему бы не предположить, что действия Эмпедокла (с медицинской точки зрения совершенно верные) были направлены на формирование вокруг его имени аналогичного религиозного культа? Именно так, должно быть, Гераклид истолковывает действия Павсания, последователя акрагантского чудотворца и врача из рода Асклепиадов, который, после безуспешных поисков пропавшего объявил, что случилось нечто невероятное и Эмпедоклу теперь следует воздавать божественные почести (Диоген Лаэртий 8.68).

Следует заметить, что читатели Гераклида проявили дурной вкус, приписав нашему автору не только желание самому прослыть чудотворцем, но и стремление к апофеозу:

Деметрий Магнесийский в *Соименниках...* рассказывает о нем такую историю. Он выращивал змею и когда был мальчиком, и когда подросток. Когда же пришел его последний час, то он позвал верного слугу и попросил его спрятать его тело, а змею поместить на погребальные носилки, так чтобы все решили, что он присоединился к богам. Так оно и случилось. Когда сограждане провожали Гераклида к гробнице и прославляли его, змея, услышав громкие звуки, выползла из его одеяний и напугала много народу. Впоследствии, однако, все прояснилось и люди увидели Гераклида не таким, каким он хотел казаться, а таким, каким был.

⁹ Историк сообщает, что из-за болезни погибла четверть населения Афин и окрестных мест (из-за войны со Спартой все они вынуждены были скученно жить в стенах города), однако странно, что ни один из античных источников, за исключением Фукидида, не придает этому событию такого значения. Платон кратко упоминает болезнь в *Пире* (201d), однако Аристофан даже не включает ее в список важнейших бедствий Пелопонесской войны (*Ахарниане*). Не упоминается она и в Гиппократовском корпусе (за исключением вышеупомянутой позднейшей истории о Гиппократе). Впрочем, Плутарх (*Жизнь Перикла* 38) сообщает, что афинский полководец умер осенью 429 г. из-за осложнений после пережитой болезни. Не исключено, поэтому, что описание Фукидида – это литературный прием, призванный продемонстрировать ужасы войны, стойкость Афин и, что важнее всего, показать, какое влияние эпидемия может оказать на общество, насколько быстро люди из-за болезни утрачивают самообладание и человеческое достоинство, забывают о долге и совести, бросают своих близких и расстаются с моральными и материальными ценностями («к чему все это, если все скоро умрем»).

Гермипп сообщает, что когда в стране наступил голод, жители Гераклеи обратились к пифии за помощью. И Гераклид, как говорят, подкупил посланников и вышеупомянутую пифию, чтобы они дали ответ, что мол беда отступит лишь тогда, когда они увенчают Гераклида, сына Евтифрона прижизненно золотым венком, а после смерти будут почитать его как полу-бога (героя). Подложный оракул был доставлен в город, но те, кто его подделал, ничего не получили. Ведь как только они увенчали Гераклида в театре, его тут же разбил паралич; послов же забили камнями до смерти, а сама пифия в тот же час, спускаясь в святилище, наступила на одну из своих змей, была укушена и тут же испустила дух (Диоген Лаэртий 5.89–90).

К слову сказать, в последующей литературной традиции античные авторы продолжают описывать исключительные целительные способности философов. Так, через много веков, биограф схоларха Афинской школы неоплатонизма Прокла, сообщает, что один из последних великих наследников Платона не только имел близкие отношения с богами, и прежде всего с Асклепием, благоволение которого сопровождало его всю жизнь, но и смог, обратившись непосредственно к божеству врачевания, спасти от неминуемой гибели девушку по имени Асклепигения (Марин, *Жизнь Прокла* 29).¹⁰

Совершенная душа, вернувшаяся в этот мир, отличается от обычных людей тем, что помнит о своем небесном путешествии. Гераклид иллюстрирует это ставшей популярной впоследствии историей о путешествии души Пифагора (Диоген Лаэртий, *Жизнеописания философов* 8.4–5 и др.). Ключевым моментом истории оказывается признание полу-божественного происхождения Пифагора. Как Асклепий был сыном Аполлона и смертной женщины Корониды (Аполлодор, *Мифологическая библиотека* 3.10.3; Пиндар, *Пифийские песни* 3.25; Исилл, *Пеан Аполлону и Асклепию* 10; Овидий, *Метаморфозы* 2.543; Павсаний, *Описание Эллады* 2.11 и 26 и др.), Пифагор, как оказалось, некогда был Эфалидом и почитался в качестве сына Гермеса, который

...предложил ему выбрать все, что угодно, кроме бессмертия. Тогда он попросил, чтобы ему и при жизни и после смерти было позволено сохранять память обо всем, что с ним приключалось. Так что он помнил обо всем, что с ним происходило при жизни, и сохранял эти воспоминания и после смерти.

Так он и жил, меняя тела до тех пор, пока не стал Пифагором. В анонимных *Теологуменах арифметики* (52–53) эти сведения используются для определения продолжительности жизни Пифагора и даже для датировки времени жизни Зороастра (подробнее см. Афонасин 2017b, 589 сн. 9 и, в це-

¹⁰ Подробно этот сюжет мы рассматриваем в наших работах: Афонасин, Афонасина 2016, Afonasin 2017c.

лом о пифагорейской нумерологии, Afonasin 2016). Можно предположить, что Гераклид в своем диалоге также что-то говорил и о воплощениях Эмпедокла. Ведь Эмпедокл и сам не отрицал, что помнил свои предыдущие рождения (Диоген Лаэртий 8.77, Эмпедокл, фр. 117 DK, пер. М. Л. Гаспарова):

Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
Был и кустом, был и птицей и рыбой морской бессловесной...

Чем подход Эмпедокла отличался от приемов других врачей и почему ему удалось то, что оказалось для них невозможным? Вероятно, они пытались излечить тело, не учитывая потребностей души. Ведь, как советует Платон со ссылкой на Гиппократ (Федр 270c–d), врач должен лечить не отдельную болезнь, учитывая различные обстоятельства, связанные с пациентом, начиная от истории его болезни и особенностей организма, заканчивая наблюдениями за его образом жизни, семьей и окружением, учитывая при этом и разнообразные климатические условия и т. д., но «всего» человека. А душевная жизнь для человека важнее телесной. Античные авторы усматривали связь между этой сценой и историей об Эре, рассказанной Платоном в десятой книге *Государства* (Ориген, *Против Кельса* 2.16). Очевидно, как и в диалоге Платона, душа бездыханной девушки находилась в небесном путешествии, хотя ее собственная история и не занимает какого-либо места в диалоге. Вопрос состоял в том, как ее вернуть? Скорее всего, Гераклид не приводил в своем диалоге каких-либо медицинских подробностей, сосредоточившись на смысле происходящего. Позднейшие авторы восполняют этот пробел, однако каждый на основе своих теорий (Гален, *О пораженных местах* 6.5, *О затрудненном дыхании* 1.8, *О дрожи* 6, Плиний, *Естественная история* 7.52.175). Гален описывает клиническое состояние находящихся в коме на основании собственного опыта, а Гераклид цитируется лишь в качестве свидетельства о том, что доктора иногда не уверены, жив ли еще пациент или нет. Кроме того, из его замечания можно сделать вывод, что Гераклид в каком-то контексте упоминал о том, что бездыханная девушка от мертвого тела отличалась лишь тем, что, утратив все остальные признаки жизни, сохраняла тепло. Гален и Плиний связывают коматозное состояние у женщин с «истерией», перемещением матки, что приводит к давлению на внутренние органы и блокированию прохода для воздуха. Эту идею высказывает еще Платон (*Тимей* 91b),¹¹ и об этом Гераклид не мог не знать. Не исключено, что Гераклид предложил и более «научное» объясне-

¹¹ Платон смещение матки связывает с неудовлетворенным сексуальным желанием, которое заставляет ее «рыскать» по всему телу, затрудняя дыхание и вызывая всевозможные болезни.

ние этой болезни, использовав для этого свою теорию «несвязанных частиц». Согласно Галену, врач Асклепиад из Вифинии (II в. до н. э.), как и Гераклид, также развивал теорию о мелких частичках, которые забивают поры в организме и затрудняют проход воздуха (см. Секст Эмпирик, *Против ученых* 10.318, Евсевий, *Приготовление к евангелию* 14.23.4 и др., и в целом, Гераклид, фр. 59–64). В адаптации этих представлений Гераклидом нет ничего невозможного, так как нечто подобное в конечном итоге предполагает и Платон, описывая механизм взаимодействия крупных и мелких частиц в организме (*Тимей* 62a).

Наконец, до нас дошла изолированная история о беседе Пифагора с флиунтийским тиранном Леонтом о смысле философии. Мы не знаем, какое место она занимала в структуре диалога. Не вполне ясно, принадлежит ли она полностью Гераклиду, или же представляет собой адаптацию известного анекдота. Например, в книге о пифагорейцах Аристотель передает, что все разумные существа делятся на богов, людей и существа, подобные Пифагору (Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни* 6.31). Наиболее детально историю пересказывает Цицерон (*Тускуланские беседы* 5.3.7). Будучи спрошен тиранном кто он такой, Пифагор якобы ответил, что он не «мудрец» (человек, сведущий в искусстве, в терминологии Цицерона), но «любитель мудрости», философ, а затем развил такую аналогию:

...Человеческая жизнь подобна ярмарке (mercatum), на которой устраиваются великолепные игры и куда люди собираются со всей Греции. И некоторые, тренируя свои тела, стремятся прославиться и заслужить корону, других привлекает прибыль и выгода от купли и продажи, но есть и такой род людей, и он самый благородный (ingenuus), который не ищет ни похвалы, ни выгоды, но пришел для того, чтобы смотреть, и он внимательно изучает и что происходит и каким образом. Точно так же и мы пришли в эту жизнь из другой жизни и природы, подобно оказавшимся на ярмарке гостям из другого города, и выбираем кто славу, кто деньги, и лишь немногие из нас не придают всему этому никакого значения и старательно созерцают природу вещей. Вот их то и называют «стремящимися к мудрости» (sapientiae studiosos) или «любителями мудрости» (философами). И как на ярмарке наиболее свободному человеку (liberalissimum) подобает просто смотреть, ничего не желая для себя, так и в жизни созерцание и постижение природы вещей превосходит все другие занятия.

Эту аналогию пересказывает и Диоген Лаэртий (8.8) в качестве источника указывая *Преемства* Сосикрата: «Человеческая жизнь подобна ярмарке: одни приходят на нее ради состязаний, другие чтобы торговать, а самые счастливые – чтобы смотреть. Точно так же в жизни одни, подобно рабам, стремятся к славе и наживе, и лишь философы – к одной только истине». Предположение, что сама идея диалога восходит к Гераклиду, выглядит

естественным, хотя можно допустить и существование независимых традиций, основанных на схожих источниках. Важно то, что аналогия у Цицерона и Диогена совпадает во многих мелких деталях. Например, у Диогена стремящиеся к славе и наживе эксплицитно сравниваются с «рабами», а любители мудрости со «свободнорожденными». Очевидно, сравнивая философа с «наиболее свободным человеком» Цицерон имел перед глазами аналогичный текст. Другие авторы пересказывают историю на разные лады, меняя место действия¹² и содержание. Комментируя последнюю фразу в еще одной версии этой истории, также восходящей к Диогену (предисловие 12) «никто не может быть мудрым, кроме бога», Gottschalk (1980, 24–27) стремится доказать, что это дополнение, отсутствующее у Цицерона и, возможно, приемлемое для ученика Платона, вряд ли уместно в контексте диалога об обожествлении Эмпедокла. Так как «искусство» (ars) в сообщении Цицерона должно быть передает греческое слово σοφία, мудрость, то смысл фразы, которую Гераклид вкладывает в уста Пифагора, состоит в том, что разные «премудрости», вроде умений врача, купца или атлета, ничто по сравнению с умением подлинного «любителя мудрости» проникать в суть вещей. Однако это умение доступно человеку. Оно делает его подобным богу, а не наоборот.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин, Е. В. (2012) «Ямвлих о душе», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 6.2, 228–258.
- Афонасин, Е. В. (2017a) «Лекарство для припоминания. Перипатетическое конструирование интеллектуальной истории Греции. Дикеарх и философская биография», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.1, 271–282.
- Афонасин, Е. В. (2017b) «“Следы” прошлого. Аристотель – историк философии (с приложением избранных фрагментов и свидетельств об утраченных сочинениях)», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.2, 570–607.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С. (2016) «Неоплатонический Асклепий», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.1, 260–280.
- Диллон, Дж. (2005) *Наследники Платона*. Пер. Е. В. Афонасина. Санкт-Петербург.
- Литасов, Ю. Д. (2011) *Вулканизм Земли и планет земной группы*. Новосибирск.
- Afonasin, E. V. (2016) “Pythagorean numerology and Diophantus’ *Arithmetica* (A note on Hippolytus’ *Elenchos* I 2),” *Pythagorean knowledge from the Ancient to the modern world*, ed. by A.-B. Renger, A. Stavru. Wiesbaden, 347–360.
- Afonasin, E. V. (2017) “Neoplatonic Asclepius: Science and religion at the crossroads of Aristotelian biology, Hippocratic medicine and Platonic theurgy,” *Studia Antiqua et Archaeologica* 23(2), 335–351.

¹² Флиунт и Сикеон у Цицерона и Диогена Лаэртия (8.8). Валерий Максим (8.7) переносит место действия в Олимпию.

- Edelstein, E. & L. (1945) *Asclepius*. 2 vols. Baltimore.
- Finamore, J. F., Dillon, J., ed. (2002) *Iamblichus. De anima*. Leiden.
- Fortenbaugh, W., Pender, E., eds. (2009) *Heraclides of Pontus. Discussion*. New Brunswick, N.J.
- Fortenbaugh, W., Schütrumpf, E., eds. (2001) *Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion*. New Brunswick, N.J.
- Gottschalk, H. (1980) *Heraclides of Pontus*. Oxford.
- O'Meara, D. (2017) *Cosmology and politics in Plato's later works*. Cambridge.
- Schorn, S. (2004) *Satyrus von Kallatis. Sammlung der Fragmente mit Kommentar*. Basel.
- Schütrumpf, E., ed. Stork, P., van Ophuijsen, J., Prince, S., trs. (2008) *Heraclides of Pontus. Texts and translations*. New Brunswick, N.J.
- Van der Eijk, Ph. (2009) "The woman not breathing," *Heraclides of Pontus. Discussion*, edited by William W. Fortenbaugh, Elizabeth Pender, New Brunswick, N.J., 236–250.
- Wehrli, F. (1969) *Herakleides Pontikos. Die Schule des Aristoteles*. Bd. 7, 2nd edn. Basel.

CYRILLIC CHARACTERS REFERENCES transliterated (FOR INDEXING PURPOSES ONLY): Afonasin, E. V. (2012) «Iamblichus on the soul (Yamvliĥ o dushe)», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 6.2, 228–258. Afonasin, E. V. (2017a) «Lekarstvo dlya pripominaniya. Peripateticheskoe konstruirovaniye intellektual'noj istorii Grecii. Dikearĥ i filosofskaya biografiya», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.1, 271–282. Afonasin, E. V. (2017b) «"Sledy" proshlogo. Aristotel' – istorik filosofii (s prilozheniem izbrannykh fragmentov i svidetel'stv ob utrachennykh so-chineniyah)», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.2, 570–607. Afonasin, E. V., Afonasina, A. S. (2016) «Neoplatonicheskij Asklepij», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.1, 260–280. Dillon, Dzh. (2005) *Nasledniki Platona*. Per. E. V. Afonasina. Sankt-Peterburg. Litasov, YU. D. (2011) *Vulkanizm Zemli i planet zemnoj gruppy*. Novosibirsk.